

Библиографические ссылки

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. С. 10–13.
2. Еляков А.Д. Информационный тип социального неравенства // СОЦИС. 2003. № 10. С. 95-101.
3. Петрова Е.О., Ильмина Н.Ф. Критерии готовности студентов медицинского вуза к профессионально ориентированному иноязычному общению // Стандарты и мониторинг в образовании. 2016. № 3. С. 20–24.
4. Ледванова, Т.Ю., Коломейчук А.В. Формирование коммуникативной компетентности врача // Актуальные вопросы психотерапии и клинической психологии. Педагогика и образование. Режим доступа: <https://medconfer.com/node/5186>. Дата доступа: 11.06.19

УДК 316.4+334

ГЛОБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАНИЯ

Ю. Ю. Гафарова

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
gafarova@tut.by

Аннотация. Необходимо констатировать внутреннюю противоречивость механизма распределения знания в процессе глобальной коммуникации, определенную одновременностью становления двух феноменов: современной установки на изначальную доступность знания каждому разумному субъекту и «монологической» современной модели научного знания. При этом на локальном уровне эпистемические структуры общества модерна формируют не только различия в распределении благ, но и неравенство в разделении когнитивного труда между познающими субъектами. Проблема неравенства в распределении знания имеет и глобальное измерение, поскольку процесс модернизации приводит к становлению специфической эпистемической структуры мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: *глобальная коммуникация; неравенство; распределённое (дистрибутивное) знание; эпистемические структуры; сетевое общество.*

GLOBAL COMMUNICATION: INEQUALITY IN KNOWLEDGE DISTRIBUTION

J.J. Gafarova

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. It's necessary to state the internal inconsistency of the mechanism of distribution of knowledge in the process of global communication. This inconsistency was determined by the simultaneous formation of two phenomena: the modern prescription of

the primordial availability of knowledge to every rational subject and the «monologue» modern model of scientific knowledge. At the same time, at the local level, the epistemic structures of modern society form not only differences in the distribution of benefits, but also inequalities in the division of cognitive labor between knowing subjects. The problem of inequality in the distribution of knowledge has a global dimension, since the process of modernization leads to the formation of a specific epistemic structure of the world community as a whole.

Keywords: global communication; inequality; distributive knowledge; epistemic structures; network society.

Рассматривая глобальную коммуникацию как процесс нарастания трансфера ресурсов, знаний и идей в ситуации размывания центра и периферии, необходимо отметить, что современный мир представляет собой систему многомерных экономических и политических взаимозависимостей и взаимодействий. При этом следует принимать во внимание тот момент, что современные локусы не являются равноправными участниками процессов глобализации и медиатизации, находясь в очевидной ситуации экономической и культурной асимметрии.

Характеризуя *распределённое знание (distributive knowledge)* не как набор сведений, а как делящуюся активность по обмену знаниями, которыми обладает группа агентов и которые могут применяться при решении актуальных для них проблем, мы констатируем внутреннюю противоречивость механизма распределения знания в современных модернизированных социумах. Данная противоречивость определена одновременностью становления двух феноменов: современной установки на изначальную доступность знания каждому разумному субъекту и «монологической» модерной модели научного знания.

Распределённое знание формируется путём пересечения информационных состояний и является совокупным (кумулятивным) знанием сообщества. Если первый агент обладает, к примеру, знанием об объекте, а второй – о последствиях динамики объекта, то их информационные состояния, взятые вместе, являются логическим следствием объединения информации, которой обладают оба агента. Таким образом, новая информация присутствует в системе в «распределённой» форме (то есть как информация, распределённая по различным информационным состояниям), и для её получения необходимы усилия по коммуникации. Исторические условия такой коммуникации различны.

В отличие от архаических и традиционных форм дистрибуции, изначально нацеленных на установление иерархии путём деятельности по обмену знаниями, модерн, согласно Юргену Хабермасу, ориентирован на формирование структуры субъективности, основанной на допущении своеобразия каждого индивида, признании за ним права на критику и права на автономию действия [1]. Картезианство, а вслед за ним и философия Просвещения, предполагают, что знание изначально доступно каждому разумному «совершеннолетнему» субъекту и является «не столько всеобщим, сколько распределённым, дистрибутивным». Субъект имеет возможность стать агентом знания, приумножать его и претендовать на «статус знающего» [2]. При этом на локальном уровне эпистемические структуры общества модерна формируют не только различия в распределении благ, но и

неравенство в разделении когнитивного труда между познающими субъектами. Веберовское «расколдовывание», рационализация общества, ведет к тому, что Хабермас называет «нарушением фонового консенсуса». Познающий субъект экплицируется из нормативного контекста, что высвобождает потенциал рациональности и требует решения задачи самостоятельного применения норм. Чем более автономными от норм становятся акты интерпретации информации, тем более разветвленной становится институциональная система, что отражается Хабермасом в понятии «функциональной специализации». Формируются такие автономные сферы ценностей как наука, право, искусство, политика, публичная система образования, теряющие связи друг с другом, и отказывающиеся от единых норм [1; 3]. Более того, в рамках автономизации сферы научного поиска, ориентированного исключительно на такой символически генерализированный посредник обмена, как истина, это порождает проблему «невероятности успеха коммуникации» в разных системах взаимодействия [4]. Таким образом, получение и обмен знаниями как фундаментальный интерес, связанный с общественным благом и личной пользой субъекта, задаются эпистемической структурой общества модерна, а именно институтами, которые определяют реальные возможности по приобретению и распределению знаний [5].

Проблема неравенства в распределении знания имеет и глобальное измерение, поскольку процесс модернизации приводит к становлению специфической эпистемической структуры мирового сообщества в целом. Основатель направления постколониальных исследований в области науки и техники Сандра Хардинг указывает на то, что научная рациональность и техническая экспертиза не являются ценностно-нейтральными, научные сообщества не представляют собой «малых демократий», а технические исследования не автономны по отношению к обществу [6], Западная наука и технологии оказали определяющее влияние на колониальные истории, а колониализм сыграл важную роль в развитии западной науки и технологии. По мнению Хардинг, нет необходимости гадать, кто находится в «выгодном», а кто в «невыгодном» положении в результате устоявшейся асимметрии систем знаний и технологической политики современного мира. Кроме того, призывая к «постколониальной чувствительности», Хардинг говорит о необходимости сделать «видимыми» сложные процессы ре-маппинга современного мира, определяемого текущей глобальной научной и технологической политикой.

Об этих же процессах говорит и известный специалист в области медиа Салли Уайат. Нарастание процесса неравенства в распространении знаний связано с асимметрией в использовании современных технологий нациями и регионами, вынужденными «догонять» тех, кто включился в этот процесс ранее, что приводит к новому «уничтожению пространства временем» [7, с. 70] и становлению нового неравенства в рамках «цифрового колониализма» [8]. Асимметрия в использовании технологий (само развитие которых возможно благодаря ресурсам Азии и Африки) сказывается в том, что визуальные соглашения человеко-компьютерного взаимодействия оказываются неуниверсальными, а системы, хорошо зарекомендовавшие себя в США, могут оказаться неэффективными в Юж-

ной Африке. Кроме того, символическая грамотность, принятая как должное, не оказывается таковой в менее компьютеризированных культурах [9].

В ситуации формирования экономики знаний и продолжающейся глобализации рынка как развития многомерной конкуренции, трансформации хозяйственных процессов и устаревания современных принципов и ориентиров структурирования и развития субъектов мирового и национальных хозяйств, нормативность и эффективность механизма формирования и функционирования распределения знания, сложившегося в классической парадигме, ставится под вопрос. В сетевом обществе, где на смену традиционным и современным общественным структурам приходят разнообразные динамические «множества», временные сообщества и конфигурации работников, ориентированные на мобильность и синтез различных видов знания и деятельности, проблема справедливости в распределении знаний становится чрезвычайно актуальной. Эта актуальность имеет два измерения.

С одной стороны, систематическая нехватка возможности приобретать знания и обмениваться информацией, являющаяся следствием классической организации эпистемической структуры общества, минимизирует как жизненные шансы конкретного субъекта, так и способность к инновационному развитию сообществ и регионов. Опираясь на программную работу 2003 г. Генри Чесбро «Открытые инновации. Новый императив креативности и получения прибыли» [10], обосновавшего экономические преимущества глобального сотрудничества бизнеса и науки, можно говорить о необходимости изучения и совершенствования механизма распределения знания между такими акторами глобальных кластеров как властные структуры, финансовые структуры, бизнес, исследовательские институты и образовательные системы [11].

С другой стороны – «общее знание» или «коллективное знание» как «знание пользователей для пользователей», которое формируется благодаря согласованным усилиям большого числа людей и может использоваться каждым субъектом, в эпоху глобализации и Интернета, требует продвижения как самообразования пользователя, так и взаимодействия спонтанно создающихся рабочих групп.

Таким образом, в сетевом обществе классическая модель формирования знания в силу ряда причин утрачивает свое центральное положение и на смену ей приходит модель знания, ориентированная на сетевое взаимодействие как акторов производства знания, так и акторов других социальных систем. Экспликация и анализ специфики неравенств в распределении знания в условиях глобальной коммуникации позволит определить концептуальный фрейм и задать методологию исследования проблемы. Следует поставить вопрос о теоретических основаниях исследований дистрибутивного знания, которые учитывали бы природу и характер асимметричных властных отношений западного мира и неевропейских регионов, специфику развития глобальных эпистемических структур.

Библиографические ссылки

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000. 382 с.

2. Малышкин Е. В. Дистрибутивность просвещенного состояния // Вестн. СПбГУ. 2013. Сер. 17. Вып. 2. С. 44–49.
3. Хабермас, Ю. Обоснованное воздержание: Существуют ли постметафизические ответы на вопрос о «правильной жизни»? // Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. С. 9–27.
4. Луман Н. Невероятность коммуникации / Проблемы теоретической социологии. Вып 3. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 9–37.
5. Garicano, L., Rossi-Hansberg E. Inequality and the Organization of Knowledge // AEA Papers and Proceedings. 2004. P. 197–202.
6. Harding, S. Beyond Theory: Two Undertheorized Perspectives on Science and Technology // The Postcolonial Science and Technology Studies Reader. Durham: Duke University Press Books, 2011. P. 1–38.
7. Wyatt, S. Non-users also Matter: The Construction of Users and Non-Users of the Internet // Now Users Matter: The Co-construction of Users and Technology. Cambridge : MIT Press, 2003. P. 67–79.
8. Jandrić P., A. Kuzmanić A. Digital Postcolonialism // IADIS International Journal. 2016. №13 (2). P. 34–51.
9. Irani, L., Vertesi J., Dourish P., Grinter R.E. Postcolonial Computing: A Lens on Design and Development // Conference on Human Factors in Computing Systems. Proceedings. 2010. P. 1311–1320.
10. Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. М. : Поколение, 2007. 490 с.
11. Sölvell O. Construction of the Cluster Commons // The Oxford Handbook of Local Competitiveness. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 84–102.

УДК 316.77+316.334.4

ВНУТРЕННИЕ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРЕ PR – СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

О.Ю. Голуб, В.А. Покоев

ФГБОУВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»

ул. Астраханская, 83, 410012, Саратов, Российская Федерация

goloub@inbox.ru

Аннотация Эффективная система коммуникаций обеспечивает целенаправленное регулирование информационного воздействия на внутренние и внешние целевые аудитории, влияет на управляемость, гибкость, оперативность действий организации на рынке. Удовлетворенность сотрудников, их мотивированность, инициативность, состояние корпоративной культуры во многом зависят от того, как функционируют коммуникативные каналы организации. Основу механизма формирования успешной системы социальных взаимодействий организации с её общественностью составляют PR-технологии.

Ключевые слова: *внутренние коммуникации; корпоративная культура; PR-стратегия.*